

Айрин Серпента

*Восстанавливая
равновесие*

16+

Айрин Серпента

Восстанавливая равновесие

«Автор»

2018

Серпента А.

Восстанавливая равновесие / А. Серпента — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-12072-3

Любовь найти - главное дело. Это все знают. Но когда три сестры обретут своё счастье, они смогут спасти жизнь чужой им девочки в далёких горах...

ISBN 978-5-532-12072-3

© Серпента А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	6
Швейцарские Альпы	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	14
Хельмут Гедлер	15
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	19
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Первая сестра, или история номер один

Глава 1

Швейцарские Альпы

Родители Бриттен умирали под мелким морозящим дождём. Маме, наверное, было неприятно, она так не любит беспорядок и мокрые платья. Бриттен Гедлер ван Нек сосредоточенно обдумывала эту мысль со всех сторон, пока полицейский врач вполголоса беседовал с дядей и братом, тревожно поглядывая на неё с другого конца комнаты. Светловолосая девочка с аккуратной французской косой, в модном платьице, воспитанно сидела на стуле, сложив руки на коленях. Было в её самообладании что-то неправильное для тринадцати лет.

Вот брат девочки вёл себя ожидаемо. Сначала при опознании трупов он упал в обморок, после которого разрыдался. Его пришлось отпаивать водой и успокоительным, пока родной дядя Хела и Бриттен с мрачным видом ходил взад-вперёд по переговорной. По выражению его глаз невозможно было сказать, переживает ли он о судьбе сестры, погибшей во цвете лет, о её осиротевших детях или подсчитывает выгоды от внезапно свалившегося на его голову опекуна. Наследство планировалось не только богатым, но и совсем не хлопотным – Рэндольф Гедлер был коммерсантом, удалившимся от дел, и два-три миллиона франков в его сейфах точно завалилось. Если разумно пустить их в дело, играя на бирже...

Взгляд на раскисшего племянника переключил его мысли на другую проблему: мальчишке двадцать. Если Рэнди Гедлер не озаботился завещанием, Хельмут вступит в права наследования меньше чем через год. И автоматически станет опекуном своей сестры до её совершеннолетия. Не слишком привлекательная что-то картина вырисовывается...

Кремация останков супругов Гедлер ван Нек, погибших в автокатастрофе на крутом серпантине Швейцарских Альп, была произведена спустя три дня, церемония прощания – на той же неделе. Визит к нотариусу после похорон подтвердил опасения Хайнса Штольца. Но и приятно удивил его: состояние зятя перевалило за сорок миллионов. А сам жадничал на бриллиантовые побрякушки Лорне! Время от времени, попадая в затруднительные ситуации со своими кредиторами, Хайнс слёзно выпрашивал у сестры то браслет, то колечко, продавал их и ослаблял ненадолго давление. Как Лорна объясняла мужу исчезновение драгоценностей – его не интересовало.

Завещание у Рэндольфа Гедлера было, такое же жёсткое и упрямое, как он сам. Не предполагая, что погибнет одновременно с женой, Гедлер ван Нек оставлял всё состояние, движимое и недвижимое имущество детям, но не жене, ей он назначал ежемесячную пенсию, с условием прекращения выплаты после вступления ею в новый брак. Состояние делилось между детьми не поровну – три четверти Хелу, четверть и дом в Лозанне – Бриттен, после достижения дочерью возраста двадцати трёх лет. В случае если Бриттен до сорока лет не составит выгодную партию в замужестве, из средств брата ей будет выплачиваться дополнительное и весьма крупное пособие. Пожизненно. А ещё в завещании зятя было условие, совершенно очаровавшее Хайнса Штольца, заставившее его мозги работать в новом направлении. Ни законные супруги, ни прямые потомки Хела и Бриттен не наследовали состояние их отца. Брат с сестрой объявлялись наследниками друг друга. И переход права владения происходил не обязательно в случае смерти одного из них, но и при объявлении Хела или Бриттен недостойными наследниками. Например, кто-то из деток Рэндольфа Гедлера попадает в тюрьму...

Спустя десять дней после похорон Хайнс Штолец перебрался на правах опекуна племянника и племянницы на постоянное жительство в городской дом Гедлеров на улице Синьяль, окнами выходящий на парк Эрмитаж. Зрелище, не имеющее равных по свежести и гармонии. Недвижимость, ошеломительная по цене. В этом доме при жизни зятя его не слишком рады

были видеть, даже вертихвостка Лорна, напрочь лишённая сестринских чувств. Зато теперь, вольготно развалившись на кровати покойной сестры, Штольц посасывал сигару из запасов Рэнди и с удовлетворением думал, где теперь он, а где эти снобы. Всё же не зря он изучал строение автомобиля на курсах механиков, и с гаечным ключом управляться умел. Кредиторы Штольца, видя радужные перспективы, разжали тиски. Жизнь стала поистине прекрасной.

Если бы не этот мальчишка... Добрый дядюшка Хайнс снова нахмурился. Хела Гедлера невозможно, действительно невозможно назвать послушным племянником. Парень открыто бунтовал против поступков дяди, прозрачно намекая, что произойдёт после следующего Рождества и как изменится власть в этом доме. Такого поведения Штольц скорее бы ожидал от как раз вошедшей в подростковый бунтарский возраст Бриттен, чем от практически взрослого парня. Но племянница не доставляла дяде никаких хлопот. Она, конечно, не веселилась, не смеялась, ходила всё время грустная и задумчивая, однако не истерила. А что уж она там себе надумает – будем разбираться позже.

У Хайнса Штольца оставался единственный выход – добиться признания Хельмута Гедлер ван Нек недостойным наследником.

Глава 2

Подготовка заняла много времени, почти месяц, но зато план был практически гениальным, продуманным сотни раз во время завтрака, посещения аукционов, неспешных прогулок по берегам Женевского озера, вечернего покуривания сигары... Штольц по праву гордился им. Слабых мест в плане не было. Он не желал смерти племянника, пусть молодой осёл живёт. Долго и счастливо, только взаперти.

Для воплощения плана Хайнсу Штольцу всё же пришлось обратиться за помощью к своим бывшим кредиторам, и те предоставили ему двух человек, на весьма жёстких и неприятных условиях. Большие деньги. Однако в противном случае мсье Штольц в канун будущего Рождества потеряет всё. Даже больше денег, если вдруг прежние «опекуны» решат обследовать обломки машины Гедлеров – а такой намёк прозвучал в разговоре. Потев и грызя потухшую сигару, Штольц подписал договор.

Хельмуту Гедлеру было двадцать лет. Молодость и здоровье сражались в нём с привычкой впадать в уныние по любому поводу – ипохондрию в нём старательно культивировала мать. Лорна Гедлер ван Нек не очень хорошо представляла себе воспитательную сторону процесса материнства, поэтому безмерно баловала своих растущих детей. Она даже разговаривала с ними с гримасками и присюсюкиванием, ограждая от всех опасностей. Стоило Хелу или Бриттен приблизиться к плите, следовал окрик «Спички не трогай, обожжёшься!». На пешеходном переходе им следовало опасаться гадких машинок и брать маму за руку, по вечерам – без шапочек не выходить из дома. Бриттен взбунтовалась против гиперопеки ещё в десять лет, а Хел отдавался материнской заботе, наоборот, с удовольствием. И даже надевал шапочку.

Как следствие, к двадцати годам у него не было девушки, и прекрасное чувство самостоятельности ни разу не посетило его. Хел никогда не ходил в походы, не умел готовить, не имел друзей – короче, подошёл вплотную к взрослой жизни в полнейшей боевой готовности.

Хельмут учился в университете на третьем курсе, планируя стать ландшафтным дизайнером. На занятия и обратно его отвозил шофёр, ибо какая же мать позволит усадить за руль неразумное дитя. Однокурсники считали его весьма странным, но не травили, не подсмеивались, а всего лишь сторонились. Впрочем, инстинкты заставляли Хела заглядываться на девушек, однако получив однажды мощный и агрессивный отказ в духе «я найду занятие получше, чем сидеть в песочнице с великовозрастным младенцем и сосать из бутылочки молочный коктейль», проявлять инициативу не решался. Притом что внешними данными Хел был наделён совсем не плохими – крепкое поджарое тело, хотя и не мускулистое, светлые нордические волосы, карие глаза... Однако и это, и будущее наследство от отца не могло загладить впечатления от ответа, когда его приглашали на дискотеку, что «мама считает, мне надо ложиться спать не позднее девяти часов вечера, иначе я заболею». Незримый плащ репутации придурка Хельмут носил на своих плечах уже давно, не замечая и, как следствие, не тяготясь им.

С сестрой Хела связывали ровные отношения, тёплая и достаточно глубокая привязанность со стороны Бриттен побеждала ревность и нежелание делить с ней любовь матери. Сейчас, когда они остались одни, делить уже было нечего.

Вечером второго июня стемнело поздно. Дядюшка где-то шлялся по своим таинственным делам, Бриттен читала книжку, лёжа на кровати в спальне в мансарде, Хел штудировал учебник по ботанике в своей комнате этажом ниже. Он не любил включать музыку или телевизор во время занятий, поэтому отчаянный крик сестры услышал сразу. Отшвырнув стул, Хел бросился на выручку. На своём пути он не встретил никаких препятствий, даже дверь комнаты сестры, открывавшаяся внутрь, была гостеприимно распахнута. А на кровати жутко хрипела Бриттен, из последних сил отбиваясь от парня в чёрной одежде, душившего её. Издав боевой

воплъ ниндзя, Хел вбежал в комнату. Боль взорвалась ослепительными искрами в его голове, и Хел соскользнул в беспамятство...

– Держите, держите его, господин полицейский! Это же надо до такого додуматься, пытаться убить собственную сестру! Кто бы мог представить себе! – визгливый голос дядюшки то наплывал волнами и был слышен обострённо громко, то отходил куда-то на задний план. – Конечно, я был вынужден ударить его! Когда видишь такое... Странно, что я не упал на месте от сердечного приступа!

«Да ты здоров, как лось, жирный бездельник», хотел отреагировать Хел, но губы ему не подчинялись. Затылок раскалывался от боли. Застонав, Хел потянулся, чтобы ощупать его, но и это ему не удалось – одна рука потянула за собой другую. Наручники, догадался он. Но позвольте... он же пытался защитить Бриттен!

– Поднимайтесь, мсье Гедлер! – говоривший на французском языке полицейский дёрнул Хельмута за плечо вверх. – Эту ночь вы проведёте в муниципальной тюрьме. А там, глядишь, и ещё лет двадцать.

– Брит... – Хел захрипел, стараясь разглядеть сестру сквозь щёлочки глаз. Девочка лежала в беспамятстве на кровати, на её шее виднелись багровые пятна. Чёрный человек исчез.

Глава 3

Умело подмазанная бюрократическая машина движется легко, почти без скрипа. Вовремя выносятся нужные решения, делаются правильные выводы, дают согласие именно те чиновники и на те действия, которые нужны режиссёру жизненной трагедии. Комиссар полиции смог оплатить карточный долг своего сына – и расследование было остановлено на начальной стадии. Прокурор оказал услугу своему доброму приятелю. Судья получил в подарок оригинал картины французского художника, имеющий явную тенденцию к повышению цены в будущем. Хельмут Гедлер ван Нек, коротавший дни до суда в одиночной камере, был признан виновным в нападении на сестру с целью убийства и тут же освобождён от ответственности на основании выводов психоневрологической экспертизы, обнаружившей у него начальную стадию шизофрении. Суд вынес решение о помещении Хельмута Гедлера в психиатрическую клинику под наблюдение врачей, и это могла быть государственная, равнодушная к пациентам клиника, если бы не добросердие его дядюшки, выразившего готовность оплачивать содержание племянника – вероятно, пожизненное – в частной клинике в кантоне Цюрих. Судебное дело отправилось в архив.

Глава 4

Сколько лет своей жизни помнила Юлия Файгофф, столько она и страдала от собственного мягкосердечия. Даже делая успокаивающий укол самому буйному из пациентов, **действительно** сумасшедшему, она жалела его. Человек ведь не властен над своим недугом. С физическим недостатком ещё можно примириться, научиться как-то жить с ним... а вот искажение психики способен осознать не каждый. Нет человека, способного признать, что чудовища, которые для него реальны, на самом деле не существуют. Их клиника была переполнена несчастными, бегущими от монстров разума, уверенными, что родственники мечтают их убить, командующими фантомными армиями преданных солдат. Встречались тихие безумцы, вроде герра Нирхейма из пятой комнаты – помещения в их клинике не называли палатами. Герр Нирхейм целыми сутками кормил невидимых голубей и разговаривал с ними, и только одно могло вывести его из равновесия – когда на поднос с завтраком забывали поставить пустую железную мисочку, с его точки зрения полную хлебных крошек для голубей. Фройляйн Мерси из одиннадцатой была, напротив, женщиной невротической, обожала примерять шляпки, что ей доставляли каждый день выдуманной почтой из Парижа – и упаси Господь какого-нибудь беднягу встать между ней и зеркалом или критически отозваться о том, что помещать живые цветы на шляпки уже не в моде. Пару раз фройляйн Мерси пришлось буквально отрывать от незадачливых санитаров, чей нескромный взгляд превысил степень дерзкой заинтересованности, дозволенную в высшем свете. Фройляйн Мерси перевалило за шестьдесят, пребывание в клинике ей оплачивали племянник с племянницей, управляющие её капиталом. Сестра Файгофф искренне любила всех своих «чудиков». Всё-таки частная клиника не имела почти ничего общего с государственной, где пациентов привязывают к койкам ремнями, избивают, пытаются электрошокерами, где пахнет лекарствами и страданием. По сравнению с этим их клиника напоминает пансионат постоянного проживания для несколько излишне эксцентричных пациентов, любить которых было легко. Будучи в добром расположении духа, они легко подчинялись рекомендациям, шли на контакт, а если фройляйн Мерси и запускала иногда в медсестру пластиковой вазочкой с цветами – так нечего было становиться между светской львицей и её отражением в зеркале, которое, правда, существовало только в воображении пожилой леди.

Были, конечно, и пациенты, которых сестра Файгофф не понимала. В том числе и новенький из десятой комнаты. Молодого человека доставили к ним месяц назад и сходу определили в особо защищённую комнату, чтобы войти в неё, полагалось сначала определить местоположение пациента через специальный глазок широкого обзора. После – отключить подачу электрического тока на дополнительный засов, открыть стальную дверь и ещё одну решётку размером в дверной проём. Стены комнаты были обиты мягкой тканью, из обстановки убраны все предметы, которые могли бы послужить орудием убийства или самоубийства. По словам старшей медсестры, молодой человек, записанный в книге регистрации под именем Найл Кайзер, был помещён в их клинику за покушение на убийство, обладал неустойчивым характером и с ним следовало обходиться особенно осторожно, не обманываясь кротким отсутствующим видом пациента.

Симпатичный юноша заинтересовал сестру Файгофф и с женской, и с медицинской точки зрения, и за прошедший месяц она ловила себя на том, что оказывается у глазка его комнаты куда чаще, чем этого требовала производственная необходимость. Найл Кайзер между тем не делал ничего. Ничего не только агрессивного, но и вообще свидетельствующего о наличии интереса к жизни. Он то лежал сутками на своей койке, бессмысленно глядя в потолок, то сидел на ней, обхватив голову руками и монотонно раскачиваясь взад и вперёд. От еды не отказывался, хотя ел автоматически, не интересуясь цветом и формой того, что лежало на его

тарелке. Сестра Файгофф знала, что подобная заторможенность – прямое следствие приёма маленьких жёлтых таблеток, по три штуки которых пациент покорно глотал утром, днём и вечером. Нельзя сказать, чтобы производитель таблеток кого-то обманывал в инструкции к ним, они действительно гасили агрессивность и суицидальные устремления. Гасили вместе со всеми иными эмоциями, кроме голода, сна, потребности сходить в туалет. Сознание принимающего их постоянно будто парило в ватном облаке отсутствия всяких желаний. Со временем притуплялась способность сосредоточиться, слабела память, гасла реакция на опасность. Год подобного лечения – и пациент мог спокойно смотреть, как горит его рука, до тех пор, пока не почувствует боль и не начнёт рыдать, словно обиженный ребёнок. И лечение было необратимым. Сердце сестры Файгофф сжималось каждый раз при мысли, что ещё немного – и этот красивый юноша превратится в растение. Но ведь, по слухам, он был убийцей...

Решение помочь ему её заставил принять сам Найл Кайзер. Нет, он не просил о помощи. Просто однажды, когда сестра Файгофф помогала ему помыться, протирая тело влажной губкой под присмотром могучего санитаря, пациент взглянул на медсестру рассеянными карими глазами и спросил:

– Сколько времени я здесь?

– Полтора месяца, герр Кайзер, – ответила Файгофф после того, как пациент повторил свой вопрос на немецком языке. До этого он прозвучал на французском и английском, языках, которых она не знала, но могла опознать по характеру звуков. Юноша глубоко задумался.

– Я не Кайзер, – несколько неуверенно возразил он.

– А... – но тут вперёд шагнул санитар.

– Не разговаривайте с пациентом, сестра, – предостерёг он.

Файгофф испуганно, бледно улыбнулась, будто бы он поймал её на чём-то противозаконном, и сноровисто закончила дело. Но любопытство её было не удовлетворено. Рискавая попасть в труднообъяснимое положение, в следующий завтрак и обед она заменила таблетки на подносе мнимого Кайзера похожими по внешнему виду, но совершенно безобидными витаминами. Подмена никак не сказалась на поведении пациента, и в два часа дня, когда клиника затихала на послеобеденный отдых, сестра Файгофф проскользнула в десятую комнату.

Лежащий на правом боку пациент посмотрел на неё без интереса.

– Чем будете добивать?

– Я не враг вам! – комнаты пациентов не прослушивались, но на всякий случай шёпотом возразила медсестра.

Юноша недоверчиво усмехнулся, и это задело Файгофф за живое. Сев на пол возле кровати, чтобы её нельзя было разглядеть через дверной глазок, женщина задала свой вопрос:

– Вы правда попали сюда за убийство?

Молчание со стороны кровати несколько напугало её, сестра мельком взглянула на пациента. Лицо юноши было бледным и смятым.

– Я... не помню, – с усилием проговорил он. А после обратил внимание на попытку Файгофф отодвинуться. – Боитесь меня?

На мальчишеский вызов женщина отреагировала правильно:

– Я полжизни имею дело с сумасшедшими. Опасаюсь, конечно, но не так сильно, чтобы бежать без оглядки.

Внимание пациента уже перепрыгнуло дальше, если у него и была изначально способность концентрироваться на одной мысли, в результате «лечения» она, конечно же, пострадала.

– Немецкий язык. Где мы? – он оглядел комнату. – Что это за место? Это ещё Швейцария?

– Разумеется, – удивилась Файгофф. – Наша клиника находится на окраине города Кюснахт, очень приятное место для жизни.

– Далеко от Лозанны?

– Лозанны? Весьма. Почему именно Лозанны?

Неприятная ухмылка пробежала по лицу юноши.

– Дядюшке не хватило терпения дождаться корабля для каторжников до Австралии.

– Я не понимаю, – искренне призналась Файгофф.

Парень взялся обеими руками за голову:

– Уйдите, пожалуйста. Мне надо подумать. Сегодня мне почему-то легче думается... Я даже начинаю вспоминать...

Глава 5

С того разговора Юлия Файгофф стала добровольным ангелом-хранителем незнакомого юноши. Убедившись, что впадать в буйство ни с таблетками, ни без оных мнимый Найл Кайзер не собирается, она начала регулярно подменять их полезными для здоровья витаминами. Файгофф жила в служебном доме при клинике, как и некоторые сотрудники, не желающие тратить деньги на съём жилья в чужом городе и время на дорогу. Главный врач относился к этой практике благосклонно, так у него всегда под рукой был персонал, который можно было внепланово вызвать на работу, и никто не удивлялся, встретив сестру Файгофф в коридорах клиники в её выходной день. Задачи довести парня до смерти вроде бы перед руководством клиники не стояло, поскольку всё ограничивалось изоляцией и отупляющими медикаментами. Но, единственной из всего персонала, сестре Файгофф хотелось знать историю до конца.

Сначала она, подгадав время за чашечкой чая, с видом сердобольной идиотки поинтересовалась у старшей сестры, почему десятый номер никогда не выводят на прогулку. Он действительно так опасен? Старшая не знала подробностей, запрещено – и всё. Файгофф немедленно согласилась – руководству видней, лишний раз продемонстрировав свою лояльность. Она знала, что старшая сестра информирует главного врача о настроениях персонала.

А через некоторое время Найл Кайзер заболел. Не красиво, не интеллигентно, бедного парня мучили рвота и понос, а избалованные условиями работы санитары не желали убирать за ним и кормить с ложечки бульоном. Сестру Файгофф приставили к пациенту как самую безотказную из медперсонала клиники.

Юноша начал говорить с ней сам. Несмотря на тяжёлое течение болезни, выглядел он лучше, взгляд карих глаз стал не в пример яснее.

– Как вас зовут? – он задал вопрос между двумя ложками куриного бульона.

Сестра не поменяла каменного выражения лица.

– Файгофф.

– Это фамилия? Я не хочу обращаться к вам по фамилии.

– Вы не можете обращаться ко мне по имени. Здесь моя работа. Меня зовут Юлия, я старше вас, как минимум, на двенадцать лет.

– Вы добрая, Юлия, – парень смотрел на неё, и в этот раз сестра знала, что он видит именно её, а не златокрылого ангела в вате наркотиков.

– Это моё проклятие, – женщина вздохнула, не совсем искренне. – А вы, Найл...

– Меня зовут Хельмут, – прервал её парень. – Я вспомнил. Хель-мут.

– Здорово. Вы таблетки, которые кладут на поднос, не пейте, а измельчайте и в унитаз.

А то вдруг я не сумею однажды заменить их.

– Меня превращали в идиота? – голос был сухой, равнодушный, но глаза пациент закрыл, чтобы никто не заметил их выражения.

– Вроде того, – суп кончился, и у сестры Файгофф больше не было повода задержаться возле пациента. Она встала. Хельмут вроде и не заметил этого, он смотрел в архивы своей памяти.

– ...хотел убить её, – донеслось до Файгофф.

Мучимая любопытством, сестра сделала вид, что поправляет ему постель.

– Кто и кого убить?

Парень закрыл глаза. Ну, святые угодники, так не честно!

– Мальчик, если тебе нужна помощь... – угрожающе начала женщина.

– Не знаю пока. Что я могу в тюрьме?

– Пока ты так думаешь, ничего и не сможешь, – последнее слово осталось за медсестрой.

Хельмут Гедлер

Неженка, милый мальчик, мамин любимчик... что он мог? Его тринадцатилетняя сестра была сильнее. Умнее. Сообразительнее. Но справится ли она с дядей Хайнсом, когда придёт её время преградить ему путь к деньгам? Дядюшка их хитрее дьявола. И очень, очень хочет денег отца.

Знает ли Бриттен, что брат не собирался убивать её, или её убедили в обратном? Теперь он для сестры всё равно что мёртв. Год, два, три в этой лечебнице, и он ничем не станет отличаться от мёртвого. Никогда не нахмурит грозно брови на неподходящих поклонников Брит, не возьмёт на руки её детей. Не заведёт своих собственных. Чёрт побери, у него даже секса ещё ни разу не было! И что, смириться теперь с пожизненным пребыванием в мерзком месте, куда его затолкала воля дядюшки? Девственности-то его, может, какая из медсестёр из жалости и лишит... Хел слабо ухмыльнулся. Сарказм – прибежище слабого разума.

Нежный, наивный... С этим покончено, пора меняться. Он должен защитить Бриттен. Сестре больше рассчитывать не на кого.

Глава 6

Утром пациент вроде чувствовал себя лучше, и сестра Файгофф заглянула к нему уже после одиннадцати, закончив уход за другими подопечными. Тарелки на подносе после завтрака стояли пустыми – Файгофф заметила и одобрила это; на поверхности воды в унитазе плавал едва различимый жёлтый порошок. Нажав для верности ещё раз на ручку спуска воды, сестра вернулась в комнату. Прикрытые веками внимательные карие глаза пациента наблюдали за ней, пока она занималась уборкой в комнате, передвигаясь между окном, столом, кроватью. Голос Хельмута прозвучал неожиданно для неё, очень тихо.

– Здесь можно говорить?

– Можно. Но осторожно, – Файгофф не повернулась, смахивая пыль с подоконника. – И лучше не шевелить губами. В комнатах нет записи, но могут наблюдать в глазок.

Тихий звук с кровати дал понять, что Хельмут учёл её предупреждение.

– Юлия...

Женщина дёрнулась, тряпка упала на пол. Присев за ней, она коротко взглянула на пациента.

– Не стоит так меня называть. Я и так немножко... вышиблена из седла.

– Почему вы заботитесь обо мне?

Она немного подумала.

– Есть люди, для которых эта клиника – самое лучшее из возможных мест. Но оно не ваше. Ваша жизнь только начинается.

– Надеюсь на это. Юл... ох, чёрт, мне надо узнать, всё ли в порядке с моей сестрой! С ней в доме осталась жить большая сволочь. И никого, кроме него. Юлия! Помогите мне. Бриттен Гедлер ван Нек, Лозанна.

– Как я узнаю о самой обычной девочке, находясь в Цюрихе?

– Самой обычной! – Хельмут горько усмехнулся. – Если бы так, ей не грозила опасность, меня бы здесь не было. На кону – миллионы франков. Найдите в справочнике телефон и позвоните в наш дом. Спросите у дворецкого или экономки – кто снимет трубку, всё ли в порядке с мадемуазель Гедлер ван Нек. Позвоните!

Собрав посуду, Файгофф покинула комнату. Она выглядела недовольной, только для Хела это не имело значения. Он знал, что медсестра услышала его.

Для звонка Файгофф пришлось выехать в город, она не готова была отвечать на вопросы руководства клиники, которые неизбежно возникли бы после расшифровки счёта за телефон.

Когда на другом конце провода сняли трубку и поприветствовали её по-французски, Юлия запоздало сообразила, что французского-то она и не знает. Оставалось надеяться, что абонент знает немецкий.

– Guten Tag, – неуверенно поздоровалась она. – Ich möchte Fräulein Gedler sprechen...

Поняли её или нет, но в трубке раздался голос девочки-подростка.

– Wer ist das? – слишком мелодично для родного языка Юлии, переливчато проговорила она.

– Вы здоровы, фройляйн Гедлер? – Юлия не собиралась раскрывать себя.

– Ну... да, – девочка, похоже, растерялась. – Кто это?

– Друг вашего брата. С ним всё будет хорошо. Остерегайтесь человека, который живёт в одном доме с вами.

Не прощаясь, Файгофф повесила трубку. И что делать теперь?

Хельмут Гедлер, оказывается, уже всё решил за неё.

– Я должен бежать отсюда. Я ничего не знаю в этой местности, но справлюсь. Я должен бежать. Мой долг – обелить своё имя и защитить Бриттен от дядюшки.

– У тебя есть план? – Файгофф смотрела в окно – никто не должен был видеть, как шевелятся её губы.

Сев на кровати, Хельмут угрюмо таращился на свои ноги в больничных тапочках.

– Пока нет.

– Давай думать. Дай мне недельку на планирование, – Файгофф сама не могла понять, что заставило её ввязаться в эту авантюру с побегом, но уже ощущала себя в преступлении по самые уши.

– Я помогу тебе сбежать. Сделаю для этого всё возможное. Но всё будет напрасно, если тебя схватит полиция прямо за воротами клиники.

– Я тоже буду планировать, – заверил её Хел.

Глава 7

– Уйдёшь из клиники в одежде санитара, – отдавала последние распоряжения Файгофф, сама себе напоминая генерала. – Одежду я принесу накануне, спрячешь под матрасом. Охрана сменяется в шесть, выйдешь из комнаты заранее, закроешь снаружи дверь комнаты и спрячешься в туалете. На кровати оставь вместо себя свёрнутое одеяло – охранник, который дежурит в день, имеет привычку заглядывать в глазок, проверяя, заперта ли комната. Ночной охранник ленив, он убегает домой сразу, как появляется сменщик, поэтому на посту какое-то время никого не будет. Калитка для служащих тоже не охраняется. У внешней стены ограды найдёшь пакет с обычной одеждой, но униформу там не оставляй. Войдёшь в Кюснахт – до него триста метров, спрячешься, переоденешься, форму санитара положи в мусорный бак. И иди в сторону Альте-Ландштрассе, маршрут я начертила тебе на салфетке. Ты будешь выглядеть, как обычный работяга, едущий на работу в Цюрих. До него около семи километров. На Альте-Ландштрассе сядешь на автобус, на котором будет табличка «Цюрих». В городе затеряешься, пока не утихнет шум.

– Я предпочёл бы вообще уехать из страны, – проворчал Хельмут. Он выглядел хмурым и сосредоточенным, взгляд потерял то рассеянно-наивное выражение, которое сопровождало его всегда.

Файгофф только пожала плечами.

– Ты нелегал, без паспорта. Ещё можешь прибиться к какой-нибудь из диаспор переселенцев, но уехать из страны, улететь? Во всяком случае, в Цюрихе есть аэропорт, называется Клотен. От центра города до него тринадцать километров, с вокзала ходят автобусы до аэропорта. Я дам тебе денег на первое время, хотя и не очень много, – извиняюще добавила она.

Хельмут положил пальцы на её руку, тёплую, мягкую, покрытую веснушками.

– Юлия... никто ещё не сделал для меня так много, как ты. Даже моя мать. У тебя будут неприятности?

– Из-за твоего побега? – женщина скупно усмехнулась. – А я-то здесь при чём?

– Как я смогу отблагодарить тебя?

Медсестра долго смотрела на привлекательного парня, разбередившего её сердце. Вздыхнула.

– Тем, что не сразу попадёшься в лапы полиции. Второй раз тебя отправят уже не сюда. Ну, а если всё пройдёт успешно, тебе удастся выжить и отомстить... восстановить справедливость, – поправилась она, – просто пришли весточку.

Глава 8

Большой... большой... просто огромный... Хельмут оглядывал нижний уровень аэропорта Клотен, стоя у входа сразу за раздвижными дверями. Везде арки металлоискателей, плечистые парни в форме службы безопасности заняты своей повседневной работой. Их цель – выловить злоумышленников, Хельмут Гедлер себя к таковым не относил, но попасть в сеть вместе с остальной сомнительной рыбкой мог запросто. Ни документов, ни багажа, на лице – идиотское выражение растерянности. Чем не кандидат на личный досмотр? Лучше скорее наружу, пока на него не обратили более пристальное внимание! И Хельмут благоразумно последовал собственному совету.

Но он не отказался от мысли покинуть Цюрих воздушным путём. И только сегодня, пока руководство клиники ещё не сообщило его дяде о побеге племянника. Завтра уже у всех полицейских будут его фотографии, и они станут ещё более внимательными. О том, что директор клиники, боясь обвинений со стороны герра Штольца и правосудия, просто объявило о смерти пациента и захоронило под его именем неизвестный труп, он узнает лишь десять месяцев спустя, читая хронику сестры на её странице в социальной сети. Сейчас же следовало бежать. Лучше дальше.

Обходя здание аэропорта, Хел неожиданно для себя обнаружил калитку на лётное поле, и она была открыта. Решив покритиковать недочёты в работе службы безопасности Клотена позже, юноша прошёл через неё. В отдалении он видел могучие птицы-самолёты, тележки погрузчиков, автобусы с пассажирами и пустые, стоящие в ожидании команды. В его одежде его легко можно было принять за грузчика, вот только – Хел оглядел себя – разжиться бы фирменной курткой работника аэропорта. Впрочем, его внимание тут же переключилось на вертолёт с открытыми дверцами, стоявший шагах в ста правее него. Вокруг вертолёта ходит пилот, явно готовящийся к взлёту. Вот бы пробраться в хвостовой отсек и спрятаться в багаже! Куда бы он ни летел, для беглеца всё хорошо. Прежний Хельмут ударился бы в эмоции и переживания. Новому было некогда.

Короткими перебежками, пользуясь моментами, когда внимание пилота было отвлечено, парень придвинулся к корпусу вертолёта. Он забрался внутрь, как только пилот вступил в неторопливую беседу с водителем погрузчика. Зарылся между тюками и ящиками в хвосте салона и начал молиться. А потом сам не заметил, как уснул.

Воздух уже разрывал довольно громкий шум, когда Хел открыл глаза, вертолёт покачивало, из чего следовал вывод, что они находятся в воздухе. В желудке Хела бурлило, он ел последний раз вчера вечером, сегодня еду с успехом заменял адреналин. Но сейчас Хел расслабился, и организм требовал своё. Попробовать уснуть снова? Но ведь на самом деле он далеко не в безопасности, и не будет ещё много, много времени. Вот приземлится вертолёт, если повезёт, Хел выберется из него, не замеченный полицией, местными жителями, охранниками. В какой стране он окажется? Сможет ли что-то приобрести там на швейцарские франки, выделенные ему доброй Юлией? Проблемы только начинаются...

Сквозь шум мотора Хел слышал высокий женский голос, беспрестанно что-то говорящий – он напрягся – вроде бы по-английски. Голос стал ближе, женщина прокричала о необходимости проверить сделанные покупки – и Хел ослеп от хлынувшего на него дневного света. Минуту он смотрел в кукольные глаза женщины, уставившейся на него, парализованный ужасом точно в той же степени. Крик женщины взлетел до небес – хм, они вроде и так в небесах... Хел обхватил будущую заложницу за шею, развернув к себе спиной, и ошутимо ткнул её в бок оттопыренным большим пальцем.

– Убью, если не заткнёшься! – прорычал он на языке Шекспира и миссис Тэтчер.

В салоне вертолѐта, кроме вопящей дуры, оказалась только ещё одна девушка, довольно молоденькая. В первый момент она испугалась, вскочила, стремительно побледнев.

– Миссис Скретч! – пискнула, хватаясь за горло.

– Сесть! – самым неприятным голосом, на который был способен, скомандовал Хел. Девушку, по правде говоря, пугать не хотелось, она была довольно хорошенькой. Однако на кону стояла жизнь.

Юная пассажирка медленно опустилась в кресло. Она была в короткой юбке-карандаше, от этого движения открылись округлые коленки, формой которых Хел заинтересовался почти против воли. Дорогушие чулочки – дешёвые так не блестят и не облегают ножки с такой ловкостью. Розовая блузка с рюшами и вышивкой – дурацкий фасон, но весьма подходящий под прямые чёрные волосы. Не девушка, а коллекционная фарфоровая куколка! И «куколка» взяла себя в руки.

– Что вам сделала миссис Скретч? – морозящим голосом задала очень важный вопрос она. И Хел ответил исчерпывающе.

– Совершенно ничего. Мне надо покинуть Швейцарию без проблем и без преследования.

Девушка откинулась в кресле, забросила ногу на ногу – Хел, словно пришибленный, уставился на мелькнувшие на миг розовые трусики.

– Вы её уже покинули. Мы пересекли воздушную границу. Что собираетесь делать далее?

– Где мы летим? – Хел кинул взгляд в иллюминаторы, но ничего не разглядел, кроме облаков.

– Судя по времени, – девушка посмотрела на часы, – где-то над Сербией. Потом Македония, Греция и – voila! – Кипр.

– Вы летите на Кипр?

– Да. И я не планирую пополнять население моего острова нелегалами. Так что полиция будет вас ждать, если вы не отпустите немедленно бедную миссис Скретч! – голос возвысился, в нём прозвучали командные нотки.

Хел часто имел дело со своим отцом, так что он только саркастически усмехнулся.

– Вы хотите сказать, мисс, что если я отпущу её, вы согласитесь представить дело так, будто всего лишь милостиво захватили попутчика?

Девушка слегка нахмурила лобик, отчего Хел сделал вывод, что английский язык для неё всё-таки не родной.

– Нет, – наконец ответила она. – Вы совершили преступление. За преступление надо отвечать.

– Какая умная! – Хел оскалился. – А если я убью вашу миссис Скретч?

Девушка пожала плечами.

– Да и пожалуйста. Она мне всё равно уже надоела.

– Мисс Чери! – жертва была возмущена. Не меньше, чем начинающий террорист, пожалуй. Но имя ему определённо понравилось.

– Мисс Ви-шен-ка? – с расстановкой повторил он. Девушка посмотрела на него с неприязнью.

– И что? Мне с таким именем всего лишь жить, а вам – сидеть в тюрьме, как бы вас там ни звали.

Хел медленно покачал головой.

– Тюрьмы не будет. Мы не полетим на Кипр. Я не полечу. Мы совершим экстренную посадку. Где угодно, кроме официальных аэропортов. Лучше всего в диких затерянных местах.

– Он тычет в меня пистолетом, мисс Чери! – плаксивым голосом пожаловалась миссис Скретч.

– Да и поделом вам! – девушка явно разозлилась. – Чего вы полезли в этот багаж? Как мне теперь объяснять отцу, если вертолѐт потерпит крушение в этих горах? Выкину вас обоих

на парашюте – и привет! Здесь негде садиться, – она обратилась напрямую к агрессору, сверля Хела глазами тёмно-карего цвета, и вправду с рубиновым оттенком.

– Я согласен на парашют, – спокойно отозвался тот, стараясь скрыть, что ни разу в жизни даже не видел этого изобретения.

– Вот только ваша миссис Скретч пойдёт со мной. Для гарантии. Я убью её, как только пойму, что вы сдали меня полиции.

– Я боюсь высоты, мисс Чери! – закудаhtала та. – У меня слабое сердце!

Девушка сжала губы.

– Чёрт с вами. Вам же всё равно, кто будет заложником? Я пойду.

– Нет, мисс Чери, нет! – женщина была в ужасе. – Ваш отец убьёт меня!

– Выбор-то небольшой: вы или я. Я подготовлю парашют, – она направилась в хвостовой отсек, Хел с миссис Скретч развернулся так, чтобы держать её в зоне видимости. Помявшись, он задал очень важный вопрос.

– Мы сможем прыгнуть с одним?

Девушка не удивилась. Разогнувшись от рюкзака, в котором, видимо, и находился свёрнутый парашют, она откинула с лица прямые чёрные волосы, внимательно оценила телосложение Хела.

– Полагаю, что да. Во мне пятьдесят один килограмм, и вы недалеко ушли от меня.

– Около семидесяти.

– Сможем. Хотя сам вопрос наводит на размышления.

– Поменьше думай, красавица. Слишком умных замуж не берут.

К его удивлению, девушка залилась звонким смехом.

– О, меня возьмут! – заверила она. – Ещё и умолять будут, чтобы согласилась... но это лирика. Вопрос более важный – очень важный, мистер, для вас: что вы планируете сделать со мной на земле?

– Вы будете моей гарантией безопасности. Как только выберемся в какой-нибудь населённый пункт, я отпущу вас целой и невредимой.

– Нет, мисс Чери, нет! – миссис Скретч причитала, словно дервиш, раскачиваясь взад и вперёд и очень затрудняя тем самым Хелу контроль над собой.

– Усадите её в кресло, пристегните и свяжите ей руки, – скомандовал Хел. Руку с оттопыренным пальцем он держал в кармане, чтобы казалось, что он вооружён. Девушка не выглядела напуганной, пожав плечами, она повиновалась. Потом переобулась сама, достав спортивные туфли из-под сидения. Хел восхитился её практицизмом. Действительно, прыгать с парашютом на высоченных каблуках ужасно глупо.

– У меня нет брюк, – девушка огорчилась. – Хотя бы свитер найду. И мне надо отдать распоряжения пилоту.

– Обойдётесь, – она слишком ему нравилась, и оттого Хельмут был груб.

– У вас будут большие неприятности, если я этого не сделаю. И это не угроза, а обещание.

– Что вы намереваетесь сказать ему?

– Моему отцу через него. Он должен сказать моему отцу, что я отправилась в пеший горный поход с друзьями. На две-три недели. И позвоню отцу сразу, как только смогу.

– Вашу версию сразу разрушит вот это жалкое создание, – Хельмут кивнул на хнычущую в кресле миссис Скретч.

– Она не... мой работник, – возразила девушка. – Пилот высадит миссис Скретч в аэропорту Афин и распрощается с нею.

– Так она для вас ничего не значит? – не поверил Хел.

– Она человек, – девушка надела наушники для переговоров, быстро заговорила на незнакомом гортанном языке.

Спустя десять минут самолёт начал снижаться. Девушка уже стояла наготове, со сложенным парашютом в руках.

– У меня есть сертификат по прыжкам, – отрывисто заговорила она. – Но, может быть, вы хотите быть ведущим...

– Лучше вы, – Хел покосился на парашют в священном ужасе.

Мисс Чери только кивнула, без выводов и зубоскальства.

– Вам придётся освободить миссис Скретч – кто-то должен закрыть дверь вертолётки после нашего прыжка. Иначе машина упадёт.

Не спуская глаз с невольной напарницы, Хел развязал руки англичанки в кресле, но ремень безопасности расстёгивать не стал.

– Надевайте рюкзак, – скомандовал он. – Дамочка сама выберется, когда мы прыгнем. Иначе вы просто толкнёте меня в спину и с чистой совестью помашете вслед.

Девушка дёрнула плечом, но в её глазах на миг зажглись и погасли красноватые искорки. Она застегнула на талии пояс для инструментов:

– Кое-что из первой необходимости, – натянула на плечи лямки рюкзака.

Пилот поднял руку и дважды стукнул в плексигласовое стекло, разделяющее салон и кабину.

– Пора. Парашюта для прыжков в тандеме здесь, разумеется, нет, поэтому будем импровизировать, – она обвязала талию начинающего бандита грубой верёвкой защитного цвета, напоминающей вожжи для лошадей. – Если эта штука выдержит, она не даст вам безнадёжно отстать от меня. Не выдержит... – Чери оглядела парня с ног до головы, задержавшись глазами в глаза с недоброй улыбкой, – судьба ваша такая. Отскребать с гор Албании никто никого не станет.

Хел кивнул в знак понимания. Сердце его колотилось, как безумное. Это настоящая жизнь? Не удивительно, что мама предпочитала держать его в вате. Девушка обхватила его одной рукой за талию и толкнула наружу спиной вперёд. В воздухе она сразу расставила руки и ноги «звездой», но падение происходило стремительно. Хельмут предпочёл, падая, закрыть глаза. Всё одно погибать...

Его тело трянуло, когда девушка вцепилась в него обеими руками.

– Кретин! – срывая голос, проорала она в ухо. – Держи меня за пояс!

Это не Хел судорожно обхватил тоненькое тело, а его инстинкты. Сам парень не мог ни двигаться, ни дышать, ни говорить.

– Держись, сейчас рванёт! – снова кричала Чери. Она нажала кнопку раскрытия парашюта. Ткань стремительно высвободилась у неё над головой, и хотя она была просто однотонного цвета, ничего интересного, на этом явлении Хел понял весь смысл чуда воскрешения Иисуса Христа. Губы мисс Чери коснулись его уха, и ей всё равно приходилось кричать.

– Ноги подогни, когда у земли будем, а то сломаешь! И на бок сразу падай, катись!

Конечно, он не смог скрыть от неё своего вопиющего, абсолютного непрофессионализма. Хел даже не успел огорчиться по этому поводу – земля неожиданно оказалась от них на расстоянии трехэтажного дома, будто с крыши родительского особняка на парк Эрмитаж смотрел. Хел в ужасе заорал. Чери ударила его по плечу.

– Ноги! – напомнила криком в самое ухо. Земля ударила с силой первобытных богов, правая лодыжка Хела хрустнула и подвернулась, парень завалился на бок, увлекая за собой Чери и купол парашюта.

Некоторое время он пребывал в почти бессознательном состоянии, едва слыша резкие отрывистые слова – девушка искала выход из спеленавшей их ткани. Выбравшись на свободу, мисс Чери безжалостно дёрнула часть парашюта, на которой валялась жертва первого в жизни прыжка. Террорист-неудачник скатился на траву и застонал. Чери склонилась над ним.

– Как у тебя дела, недоразумение?
– У меня нет ног, – парень осторожно открыл один глаз, подумал. – И рук. Ещё я сломал шею.

– Theos mou! – Чери зарычала. Теперь ей предстоит нянчиться с этим младенцем, счастье какое.

– Все твои руки и ноги при тебе, это всего лишь последствия эмоционального шока. Первый раз прыгал?

– Ага, – глаз парень снова закрыл, но скулы его порозовели. Он явно боялся насмешек со стороны Чери, столь явно, что девушка предпочла разочаровать его. Тот, кто считает, что детство среди братьев укрепляет иммунитет и затачивает острословие, не рос в обществе трёх сестёр. Старших.

– Хорош, поднимайся, задницу простудишь, – Чери протянула руку лежащему, но обошлась без лекции на тему, как влияет температура земли на функции репродуктивной системы. Какое ей дело до его будущих детей?

Блондинчик, охая, собрал в кучку руки и ноги, кое-как начал вставать, держась за Чери. С громким шипением выпустил воздух сквозь зубы. Заковыристо выругался по-французски.

– Я ногу сломал, – спокойно сообщил он.

Чери только всплеснула руками. Встав на колени на землю, она ощупала лодыжку парня сквозь штанину рабочего комбинезона. Хел угрожающе покачивался над ней.

– Не вздумай упасть на меня, – зловеще предостерегла его девушка. – Если меня не будет, ты сразу станешь добычей диких зверей.

Парень панически заозирался.

– Где они? Где?

Чери почувствовала себя отомщённой.

– Ты наврала мне! – парень с негодованием уставился на её улыбку.

– Самую малость. Здесь горы, в горах водятся медведи и прочий рогатый скот. А перелома у тебя нет. Есть небольшой вывих. Завтра сможешь идти, а идти нам придётся далеко. Я так понимаю, что опыта выживания в горах у тебя тоже нет?

– Весь мой опыт заключается в прогулках по берегам Женевского озера, – буркнул Хел, отважно встречая её укоряющий взгляд. – И перестань, пожалуйста, говорить мне «ты». Меня зовут Хельмут.

– Хельмут, Хельмут, крошка Хел...

Парень ласково заулыбался.

– Да ты сама крошка. Может быть, даже моложе меня.

Чери отряхнула руки.

– Об этом мы поговорим в другой раз. А сейчас оценим наше положение. Судя по видам и типу роста деревьев, а также по влажности почвы, – она несколько раз топнула по зелёной траве, та промялась в ямку, – мы приземлились совсем близко от воды. Это должно быть озеро Преспа, Микри-Преспа. Да, – ловким движением Чери прихлопнула на своей руке комара. Хельмут смотрел на неё во все глаза. И это избалованная двадцатилетняя девчонка, дочка богатого папаша?

Чери рассеянно огляделась.

– Ночевать будем здесь. Если бы не топорное приземление одного из нас – не будем показывать пальцем, мы попробовали бы уже сегодня добраться до любой горной деревеньки. Но не судьба. Садись, от тебя сегодня пользы мало, а я попытаюсь соорудить палатку из парашюта.

Желудок Хельмута громко заурчал. Чери уставилась на него.

– Я со вчерашнего дня не ел, – парень предпринял попытку оправдаться. Чери засунула руки в свой пояс.

– С едой у нас совсем плохо – три плитки шоколада и половина багета. Я приехала в аэропорт сразу после окончания сессии, была голодна и грызла его по пути. Думала пообедать в Афинах. И ещё есть полулитровая бутылка с холодным чаем.

Она протянула Хелу слегка зачерствевший хлеб, помолчала, глядя, как парень жадно рвёт его на куски зубами.

– Если завтра не встретим жилья, придётся идти за водой к озеру.

– А какой сессии? – с набитым ртом пробубнил парень. – Ты, что, студентка, учишься в Цюрихе?

Девушке отвечать не хотелось, однако воспитание мешало промолчать. Она вздохнула.

– Я эколог, работаю в специальном комитете ООН. В Цюрихе проходила выездная сессия. Хельмут Гедлер воззрился на неё с искренним уважением. И изумлением.

– Вишенка, кто же тебя до срока выпустил из-за школьной скамьи?

В ответ он получил ледяной, высокомерный взгляд.

– Мне двадцать четыре года, мистер, у меня степень магистра по экологии и природопользованию. А если ты, нетопырь кривоногий, ещё раз назовёшь меня Вишенкой, я сброшу тебя со скалы. Запомни: меня зовут Черил. Че-рил. Алессандрос.

Хел поднял руки, признавая своё поражение.

– Мисс Черил, не убивай до конца. Я – Гедлер, Хельмут Гедлер.

– Мне это не интересно, – высокомерно отвернулась девушка. – Доведу тебя до Заградца и брошу там, как испорченный груз.

– Стерва.

– Кретин, – не осталась в долгу Черил. Села рядом с Хельмутом на парашютную ткань. – А теперь давай спать. Выходим с рассветом.

Глава 9

У девушки явно были пунктики насчёт неприкосновенности собственной персоны, потому что когда изрядно озябший ночью Хел потянулся к ней, чтобы обнять и погреться об её тёплое тельце, она моментально проснулась, открыла глаза и хриплым со сна голосом пообещала ему ампутацию нескромных конечностей. В эту ночь Хел рисковать больше не решился.

Утром Черил, оставаясь такой же хмурой, не склонной к милосердию колючкой, несильными пинками подняла его. Хел потащился по мокрой траве, ещё прихрамывая и тихо ненавидя весь мир. Дорога вела их то вверх, то вниз, и это тоже вызывало недовольство Хела.

– Горы, горы, чёртова Албания – сплошные горы, – бормотал он себе под нос.

– Горы, – согласилась ворчливо Черил. – И чёртова Албания, и Греция тоже. Лучше учить географию надо было. Нет чтобы попросить высадить тебя на главной аллее Ниццы.

Спустя час ходьбы Хел сменил пластинку.

– Я есть хочу.

– Я тоже, – огрызнулась Черил. – Но терплю, как видишь.

– Ты старая. А я ещё расту.

Наглость блондинчика границ не имела. Старая? Девушка остановилась, демонстративно повернулась к нему спиной, да ещё и руки на груди сложила.

– Что такое? – парень был искренне озадачен.

– Поход закончен, – проинформировала его Черил. – Я не потерплю капризов и такого отношения к себе. Можешь продолжать экстрим-тур самостоятельно. Прямо на курсу, в одном или двух километрах, – она начала указывать направление руками, на манер стюардессы в самолёте, – озеро Преспа. Здесь оно узкое, переплыть не составляет труда. Сразу за озером слегка уклоняешься вправо и километров через двадцать будет город Заградец. Если же, перейдя озеро, повернёшь вправо круто, вниз с гор – доберёшься до Трена, но до него расстояние поболее будет.

Блондин торчал за её спиной, не осмеливаясь прикоснуться.

– Черил, ну ты чего? Куда я пойду один? Я и в Лозанне способен потеряться.

– Какая трагедия, – Черил строптиво повела плечами.

– Черил, – парень имел наглость дёрнуть её сзади за прядь волос. Девушка, не прошло и секунды, кинулась на него разъярённой змеей, Хел упал, и они оба покатались по склону, переплетая руки и ноги. Хел замер сверху, любясь сверкающими глазами, ярким румянцем на щеках девушки. Время остановилось, оба забыли, как дышать. Черил, не думая, приоткрыла губы. Усугубляя страдания Хела, облизнула их. Парень со стоном отвернулся.

– Что?! – толкая его в грудь, в ярости закричала Черил. – Слишком старая для тебя?

Сидя в траве, Хел тёр рукой лоб.

– Глупая ты. Но чертовски красивая, надо признать. Только романа нам сейчас не хватало. У меня и опыта-то в этом никакого нет.

Черил, пряча взгляд, сверкающий женским удовлетворением, отряхивала уже порванную юбку. Его искренность была куда очаровательнее прежнего поведения.

– Пойдём, – она протянула парню руку. – Надо поторопиться. Не хочу я снова ночевать в лесу.

Но заночевать – правда, не на голой земле, а в брошенной времянке дровосеков – им всё же пришлось. К этому времени до Заградца оставалось предположительно не более десяти километров. Нога Хела болела, он хромал всё сильнее, и скорость передвижения падала. В компенсацию своей неуклюжести Хел набрал в лесу для них двоих ягод – после консультации с Черил, какие из них есть безопасно. Был небольшой запас воды, Черил её набрала из

озера, поразительно чистого и холодного для этого времени года. Она объяснила, что в горной части Албании туристов практически не бывает, да и вообще туризм не наполняет бюджет этой страны. Дороги неважные, отельный бизнес не развит, политическая ситуация далека от стабильности. В соседней Греции они встретят больше европейцев.

Во времянке они нашли заготовленные дрова и смогли разжечь огонь. Ещё там была банка консервов – промучившись полчаса, Хел смог криво открыть её брошенным там ножом без рукоятки. Черил нашла довольно выношенную толстовку и с удовольствием рассталась со своей помпезной розовой блузкой, уже ни на что не годящейся. Черил сожгла её в очаге, пояснив изумлённому Хельмуту, что верит в колдовство вуду и никогда никому не оставляет своей старой одежды, а также волос и ногтей. Хел нашёл это очаровательным. Спали они на полу, прижавшись друг к другу, и Хел всё ждал, когда же Черил начнёт жаловаться на неудобства, но девушка, казалось, относилась к более чем скромным бытовым условиям как к должному. Не может быть, чтобы дочь человека, в собственности которого имелся даже вертолёт, когда-то жила так! Самому Хельмуту Гедлеру спать на полу не нравилось. Однако быть постояльцем психиатрической клиники куда менее приятно. Хел в очередной раз с теплотой вспомнил Юлию Файгофф, надеясь, что у неё не возникло неприятностей.

– Почему ты улыбаешься? – с сонным любопытством поинтересовалась Черил. Хел только крепче обнял её, рассудив, что на данном этапе их знакомства ей, пожалуй, рановато знать, клиентом какого заведения он был ещё недавно.

– Спи, Вишенка.

И в первый раз Черил не зарычала на него.

Глава 10

В Заградец, город маленький, всего несколько десятков одноэтажных домов, они вошли как раз перед обедом. На подступах к нему с невольными туристами случилось забавное происшествие – по крайней мере, Черил посчитала его таковым. Их атаковало стадо баранов. Ну, как атаковало... Меховые мешки по пояс Хелу ростом апатично окружили их, продолжая щипать траву, но и интересуясь заезжими гостями. Хел моментально запаниковал – он никогда не видел домашних животных крупнее эрдельтерьера, начал озираться по сторонам в поисках пастуха. Черил светло улыбнулась ему, оттолкнув голову наиболее не равнодушного к ней барана.

– Это называется обитатели дикой природы, – не очень успешно гася смешки, пояснила она. – Из их шерсти делают одеяла, одежду, из мяса...

Хел издали показал озорнице кулак, относимый в сторону общим движением стада. Повернув голову, Черил пронзительно свистнула. В ответ донёлся такой же свист, и, к своему облегчению, Хел разглядел спешащего к ним мужчину в высокой шапке. Рядом бежали пегие собаки, они сразу же принялись восстанавливать порядок. Бараны сдвинулись, освобождая Хела и Черил, а албанец начал извиняться перед ними на очень плохом английском, прижимая руки к груди. К удивлению Хела, Черил ответила так же по-английски, хотя ему казалось, что она знает язык гор. Она коротко спросила про Заградец, и пастух, прощаясь, показал в сторону уже различных домиков с красными черепичными крышами. С гор туда вела утоптанная дорога – может быть, об асфальте, телевидении и водопроводе здесь знают только в теории? Черил хмыкнула, когда он задал ей этот вопрос.

– Да нормальный город, я была в нём как-то проездом. Правда, в таверне не ночевала. Нам и сейчас немного надо – помоемся, поедим и будем договариваться о поездке до границы. У тебя как с деньгами?

– Примерно тысяча швейцарских франков. Здесь можно взять машину напрокат? – оживился Хельмут.

Девушка посмотрела на него с сожалением.

– Это деревня, котик. Лучший вариант транспорта, что нам светит, если договоримся – телега с лошастью.

Она вздохнула.

– И франков твоих они в глаза не видели, значит, посчитают их фальшивыми. В Албании в ходу леки, у меня их, конечно, нет, я же не планировала твоего появления. Есть немного греческой валюты и доллары, попробуем предложить то и другое. Граница с Грецией недалеко, возможно, они ведут обмен товарами.

– И за наши деньги они нас смогут довести только до границы? – в голосе Хела явно слышалась стойкая нелюбовь к пешим походам, укоренившаяся в нём на всю оставшуюся жизнь.

– Да я бы сама предпочла доехать хотя бы до Кастории, – вздохнула Черил. – Кстати, – она огляделась, увидев невысокую каменную ограду, присела на неё и приглашающе хлопнула рукой рядом, – нам давно пора это обговорить. Куда ты хочешь попасть в конечном итоге?

Хельмут хмуро на неё взглянул, но девушка поняла, что эмоция относится не к ней, а к его неопределённому положению.

– Не знаю я. Я в бегах, Черил, должен спрятаться как можно лучше.

– В бегах от правосудия? – голос девушки звучал легко, но в карих глазах мерцало напряжение. – В чём состоит твоё преступление?

– Правосудие со мной вроде уже разобралось, но вот любящий дядюшка не успокоится, пока не увидит моего труп. Я стою между ним и деньгами.

– А, деньги... – Черил зевнула, было понятно, что тема капитала ей привычна и возбуждения не вызывает. Девушка спрыгнула со стенки. – Если выбирать из самых глухих мест, этот город очень даже подходит для укрытия. Только что ты в нём будешь делать, пойдёшь в пастухи? – она хихикнула, радуясь собственному остроумию.

– Я албанского языка не знаю, – проворчал парень. Объектом насмешек ему быть не нравилось.

– Здесь он не в ходу. Ближе к границе с Грецией живут македоняне, немного румын и цыган. У них своё наречие, захочешь – выучишь.

Хел посмотрел на прочные, но скромные строения городка.

– Нет, пожалуй. Мне нужен город побольше. Цель не только в том, чтобы спрятаться от дяди, но и чтобы однажды вернуться с незапланированным визитом.

Черил, подпрыгнув, захлопала в ладоши.

– Месть, месть, обожаю! Это так по-гречески! Придётся ради этого зрелища ещё чуточку потаскать тебя за собой.

Разговора с местным населением у них, конечно, не состоялось – люди смотрели на Хела и Черил внимательно, без враждебности, но не понимали. Пришлось даже в таверне обходиться языком жестов. Два пальца, второй этаж, где располагались гостевые комнаты, жест «ложка ко рту», ладонь под щеку и закрытые глаза, прикосновение к своей грязной одежде и самое главное – деньги на стойку. Хозяин таверны заулыбался именно в последний момент, начал кивать, показывая, что всё понял. Хела и Черил отвели наверх по скрипучей лестнице, две хихикающие румяные полнощёкие девушки – вероятно, дочери хозяина – притащили им бадейки с почти горячей водой, одинаковые рубахи из грубого полотна, юбку и коротковатые брюки. Путешественники с наслаждением вымылись, переоделись и с двух сторон вцепились одновременно в блюдо, полное кусков светлого тушёного мяса, по вкусу похожего на крольчатину. К мясу жена хозяина положила несколько кусков хлеба и сладкий перец, а также кувшин красного домашнего вина. Хел не стал сравнивать его с коллекционными экземплярами из подвалов отца, иначе Черил прикончила бы кувшинчик раньше эксперта. Оба в состоянии лёгкого одурения от сытости, усталости и алкоголя, они растянулись прямо на домотканом коврик на полу.

– Надо идти искать старосту и договариваться о поездке, – простонала Черил.

Хел моментально закрыл глаза.

– Я не пойду. Реши проблему, женщина!

– Сейчас решу, – с ленивой угрозой девушка шлёпнула его по животу. – Поднимайся, чревоугодник! С другой стороны, – она задумалась, ловя мысли, которые скользили в голове мутно и медленно, будто медузы в море, – бедняга только пришёл домой с работы, ему бы поесть, отдохнуть... – Хел согласно похрапывал рядом, и Черил сама закрыла глаза. Оба проспали на коврике до утра.

Деньги произвели на старосту хорошее впечатление, но ехать дальше границы он отказался наотрез.

– Там только горы, – пытался он втолковать незадачливым путешественникам, пользуясь небогатым запасом английских слов и восполняя пробелы руками. – Сёла совсем маленькие, десять, двадцать человек, еды мало. Меняют шерсть коз на еду у нас. Зачем ехать туда?

– Не туда! – Черил начинала злиться, глядя в его широкое дружелюбное лицо, полное безмятежности. – Нам в Кастраки надо!

– Очень далеко. Лошадь не идёт через горы.

– Давай купим лошадь! – дёргая девушку за рукав, взволнованно предложил Хельмут. Перспектива топтать на своих двоих десятки километров не вдохновляла.

- Денег не хватит, – уголком рта ответила Черил, да и староста уже качал головой.
 - Лошадь нет, лошадь нужна. Баран купи.
 - Угу, и верхом на баране через горы!
- Староста заулыбался, похоже, его английского хватило, чтобы оценить картину.
- Баран вкусный.
 - Хел сдался.
 - Лучше продайте хорошие ботинки.

Глава 11

Всё сложилось не так плохо, как опасались Хельмут и Черил. За вполне приемлемую сумму их отвезли на телеге к месту встречи с греческими крестьянами. Надо говорить «эллинами», поправила его Черил, греками этих людей и Грецией страну называют только иностранцы. Вероятно, эти бородатые, скудно одетые люди были не самыми выдающимися детьми Эллады, но Черил в их компании прямо расцвела. Она щебетала и щебетала всё время на странном языке, будто бы состоящем из бурунов, порогов и маленьких округлых камешков, отшлифованных морем. Хелу этот язык определённо нравился. Зная за собой талант к лингвистике, он думал, что через пару недель подражания сможет произнести первые осмысленные фразы. А если его обучением займётся Черил Алессандрос... милая темноглазая Черил... черта с два они что-то освоят, кроме поцелуев.

Бородатые эллины явно обрадовались встрече с греческой девушкой, так мило и непосредственно болтающей с ними, интересующейся их жизнью. К тому же она была пришельцем извне, из большого города, предполагал Хельмут, может быть, из Афин. Новости внешнего мира оживляли их скромную жизнь, полную борьбы за существование. Так что прелестная Черил и несколько менее привлекательный Хельмут за компанию с ней передавались из одной деревушки в другую своеобразным факелом мира, с максимальной учтивостью и уважением. Их даже кормили и укладывали спать между перемещением с повозки на повозку, категорически отказываясь брать плату за своё гостеприимство. По пути Хел приобрёл пару полезных навыков, например, его научили колоть дрова, а Черил продемонстрировала своё умение доить коз. Хельмут всё чаще задумывался, что же у неё за родители, нашедшие среди забот о своём богатстве время дать дочери такое полезное практическое образование.

Их великий путь на восток закончился на склонах горы Вигла, спустившись с которой – хвала надёжным крестьянским башмакам! – Хел и Черил оказались в кипящем котле цивилизации. По меркам горных сёл, где они ночевали уже на протяжении девяти дней, греческий город Кастория казался почти столицей. Оживлённо снующие автомашины, велосипеды, люди, асфальтированные улочки, сбегаящие вниз к озеру, трёхэтажные и даже кое-где высотные здания. Кафе, магазины... кинотеатры...

Хельмут не мог усидеть в их комнате в отеле, всё порывался бродить по улицам, прикасаясь, в том числе руками, к цивилизации. Черил довольно сухо информировала его, что эллины, конечно, нация эмоциональная, но даже греческая *astynomia*, полиция, испытывает стремление арестовать человека, который ни с того, ни с сего неожиданно падает на колени посреди улицы и начинает покрывать пыльными поцелуями асфальт. На второй день нахождения в цивилизации, и вправду попав под внимание пристального взгляда полицейского в форме, Хел внял здравому смыслу.

Мало-помалу он приходил к мнению, что Черил не просто умная, но – что важнее – она гораздо умнее его. Черил знала жизнь. Она разбиралась в дипломатии и быстро соображала. Умела водить машину и ездить верхом. Внешне была куда привлекательнее Хела. От неё всегда приятно пахло, даже по соседству с горными козами. С которыми она тоже умела обращаться.

Понимала ли Черил Алессандрос, что вот так, без особых усилий со своей стороны, обзавелась поклонником на всю жизнь? Скорее да. Взгляды Хельмута льстили её самолюбию, а видеть, как смущается и краснеет молодой человек, было довольно весело.

В Кастории они провели четыре дня, восхищаясь благами цивилизации и красотами этого города. В древней Кастории действительно было на что посмотреть – одних только церквей и памятников почти сто штук; однако и тут между путешественниками наметилось разногласие. Ноги Хела всё время стремились увлечь его к архитектурным памятникам, к озеру Орестиада, погулять среди яркой зелени и посмотреть на кормящихся пеликанов. По дороге

к озеру Хел неизменно терял свою спутницу, глаза которой уводили её вслед за роскошными приманками – мехами, манто и шубами со всех сторон. «У тебя, что, нет дома шубы?» – удивлялся Хел. Черил вздёргивала свой прелестный носик, сверлила его мрачными взглядами и нехотя признавалась, что, конечно, есть, натуральные и недешёвые, хотя ей как экологу ООН стыдно в этом появляться на людях. И здесь, в мировом центре меха, её притягивает к себе красота исполнения, а вовсе не души миллионов невинных зверьков, парящие над этими шубами.

В пятницу Черил потащила Хельмута на автовокзал. Только что ему стало известно, что следующей точкой их маршрута станет город с названием Лариса и какая-то загадочная *drumologia* должна им подсказать, как туда добраться. Дромологией оказалось обычное расписание движения автобусов. Хел ничего не мог понять в названии населённых пунктов, написанных по-гречески, поэтому философски любовался рядами одинаковых зелёных автобусов, по-военному чётко и явно по команде диспетчеров въезжающих и покидающих площадки автовокзала. Потом ему надоело, и он принялся изводить Черил вопросами, зачем они едут в Ларису, почему именно туда и что там можно увидеть хорошего.

– Мы не будем задерживаться там, – девушка пожалала плечами. – Пообедаем и арендуем машину. А пока есть время до отхода автобуса...

– А дальше куда поедем?

Черил сверкнула на него глазами. Уже в таком молодом возрасте она проявляла все задатки будущей властительницы семьи и дома.

– А пока есть время до отхода автобуса, – с нажимом повторила она, – давай зайдём в банк и обменяем твои франки на более приемлемую в Греции валюту. Лучшего места, чем Кастория, для этого не найти. Меховые дельцы здесь принимают и юани.

Дорога в весьма комфортабельном, по меркам телеги, автобусе заняла около трёх часов. По пути Черил сказала, что планирует спрятать Хела от возможного преследования у своего дяди, брата матери, живущего на побережье Эгейского моря.

– Дядя Василиос довольно приятный человек, – со слабой улыбкой делилась Черил. – Он рыбак, но всё свободное от ловли время просиживает на завалинке, покуривает и пьёт пиво. К узо, греческой анисовой водке, дядя равнодушен, а пиво любит. С удовольствием сплетничает вечера напролёт с другими рыбаками и будет расспрашивать о тебе и обо всей твоей семье до седьмого колена. Он очень любопытен, хотя не склонен к аналитическому мышлению и каких-то нестыковок и недомолвок просто не замечает. Сам думай, чем поделиться с ним. Есть время придумать какую-нибудь легенду. Местный шеф полиции по четвергам играет с дядей в нарды.

– Считаешь, там безопасно? – парень, не отрываясь, смотрел в окно на сменяющие друг друга поля и предгорья.

Черил вздохнула.

– Другого места нет. Я не могу притащить тебя в мой дом на Кипр.

– Я скомпрометирую тебя перед соседями?

– Мы живём все вместе большой семьёй. Возникнут вопросы... Но в то же время я не могу долго не возвращаться туда. Меня начнёт разыскивать отец. И с этим приходится считаться. Я поживу пару недель с тобой у дяди Василиоса, а потом уговорю его оставить тебя ещё ненадолго. В Велике тебе будет хорошо.

В компании любопытного дяди, играющего в нарды с шефом полиции, без связи с внешним миром и без Черил. Без Черил.

– Не хочу, чтобы ты уезжала! – вырвалось у него.

Девушка молча положила голову ему на плечо, закрыла глаза и только вздохнула, когда Хел неловко её обнял.

Глава 12

Ларису, довольно большой по площади город, они действительно проскочили за пару часов – сошли с зелёного автобуса на улице с замысловатым названием Папанастасиу, быстро перекусили в современном торговом центре, в кафе, явно тяготеющем к традициям Макдональдса. Пока Хел допивал свою «Кока-колу», получая огромное удовольствие от вредного для здоровья напитка, Черил отправилась в офис прокатной конторы двумя этажами выше договариваться об аренде машины, которую она планировала сдать в Коккино-Неро. Ожидая подругу под полосатым зонтиком внешней части кафе, Хел лениво любовался работающим фонтаном на противоположной стороне улицы – мраморная девушка сжимала в объятиях то ли огромную гроздь винограда, то ли мешок с камнями, из которого во все стороны били струйки воды. Если бы девушка была живая, её платье не продержалось бы и десяти секунд.

Вернулась Черил, неся брелок с ключами и договор. Хел поделился с ней своим наблюдением.

– В Ларисе полно фонтанов, – Черил махнула рукой. – И большая их часть – совершенно безумные. Туристов сюда привлекают круглосуточными шоу. Поедем?

Для поездки на побережье девушка выбрала не новый уже «фольксваген поло» мышинного цвета, с сидениями, обтянутыми кожзамом, и с механической коробкой передач. «На Кипре мы ездим в основном на механике», – объяснила Черил. Хел отложил короткое упоминание о родине Черил в память. Значит, она не из Афин. Хотя Кипр почти наверняка куда более приятное местечко для жизни, недаром его предпочитала сама Афродита...

До прибрежной зоны Коккино-Неро они добирались пять часов и в доме дяди Черил появились уже в надвигающихся сумерках. Дядюшка оказался очень крупным мужчиной с широкими плечами и пивным животом. Поражая взгляд своим сходством с Демисом Руссосом, он бурно радовался приезду племянницы, сжимал Черил в медвежьих объятиях, пока она придушенно не взмолилась о пощаде, и говорил, говорил без остановки густым рокошущим голосом. Вырванная из его рук Хелом Черил выглядела основательно помятой, хотя и радостной.

– Дядя, это мой друг, его зовут Хел. Мы вместе проехали половину Албании и Элладу. Можно мы поживём чуток у тебя? – она говорила на английском языке, чтобы не пересказывать потом Хельмуту, да и вообще не собираясь что-то скрывать от него.

Сдвинув племянницу вправо – в его руках она казалась фарфоровой куколкой, рыбак протянул руку-лопату Хелу.

– Дзакис. Василиос, – представился он.

– Хельмут Нек, – стараясь быть **очень** осторожным, Хел сократил свою фамилию. Хотя он сомневался, что камерные события далёкой Лозанны докатились до этого безмятежного приморского местечка.

Дядя Василиос сам предложил им выбрать, где спать. Где и с кем – Хелу не показалось, что грек готов перегрызть глотку за добродетель своей племянницы. Они, конечно, выбрали разные комнаты, не было пока никаких оснований селиться вместе. Да и будут ли? Черил вела себя исключительно скромно, наслаждаясь романтической стадией их отношений или считая, что инициатива должна исходить от мужчины. Хел тоже не торопился потерпеть фиаско в своём первом интимном опыте.

Следующим утром Черил, зарядив, наконец, свой мобильник, позвонила строгому отцу на Кипр. Говорить с ним она предпочла без свидетелей; вернувшись, сообщила, что ей дано десять дней на завершение путешествия, а после она должна возвратиться домой, где намечалось празднование дня рождения матери. Хел с невинной улыбкой поинтересовался, похожа ли мать Черил своей комплекцией на брата. Девушка долго бранилась по-гречески, было понятно, что мать она любит, как минимум, очарована ею. «Моя мама красивее всех на свете», – сказала

Черил. Хел уже и сам догадался, что красоту в союз её родителей принесла именно Ди Алесандрос, урождённая Диандра Дзакис. Деньги – отец. Точно такое же распределение вкладов было у Рэндольфа и Лорны Гедлер. Состоятельные мужчины часто покупают себе жену-витрину. А ему нравилась Черил. Куда удивительнее было то, что он, похоже, ей тоже нравился.

Потянулись дни безмятежности, слегка омрачаемые известностью даты окончания каникул. Черил и Хел много гуляли по серовато-коричневому песку, омываемому спокойными волнами лазурного моря. Пляжа в Велике как такового не было, ни зонтиков, ни шезлонгов, ни зазывал с мегафонами, приглашающих полетать на воздушном шаре или отправиться на «незабываемую морскую экскурсию, в память о которой у вас останутся великолепные фотографии по смешной цене». Туристов в Велике пока немного, здесь нет античных достопримечательностей, куда больше иностранцев едут в древнюю Анатолию. Домики местных жителей все как конфетки в белых и розовых обёртках, с роскошными ухоженными садами, качелями и подушками, раскиданными на террасах, где так приятно посидеть, любясь морским закатом. Не удивительно, что однажды вечером, пока дядя Василиос болтал через ограду с соседом, рука Хела обняла Черил, девушка положила голову ему на плечо, губы соприкоснулись. Хелу не пришлось признаваться в своей невинности, всё получилось само собой. Конечно, наутро дядя улыбнулся молодым людям немного многозначительно, но Черил категорически запретила своему любовнику обращать на это внимание. С тех пор они не разлучались даже на час. Вместе смотрели на море, вместе плавали по нему на надувной лодке – была и такая у дяди Василиоса. Вместе готовили завтраки, обеды и ужины, посвящая Хела в тонкости греческой кухни. Особенно Хелу нравились маленькие плотные кефтедес – мясные шарики, которые подавали на стол с горой овощей, питой и соусником с цацики. Здесь этот соус на основе йогурта с добавлением мелко нарубленного чеснока и огурцов шёл к каждой трапезе. Как только Хел привык, что йогурт может быть не только с фруктами и сладким, он стал находить свою прелесть в солоноватом греческом йогурте. А свежие овощи за всю историю гастрономии не навредили ещё никому.

Из интереса Хел попробовал вместе с дядей Василиосом раки и её вариант – цикудью, не имеющую запаха аниса. Шеф полиции, приходящий играть в нарды с рыбаком – они могли сражаться часами – и оказавшийся милейшим человеком, принёс бутылочку, окутавшую террасу ароматом корицы, он называл её «ципуру». Довольно крепким оказался этот напиток, и Черил даже ворчала на Хела, который тем вечером якобы распевал за компанию с дядей Василиосом и полицейским на всю округу национальный греческий гимн.

Это было чудесное время, когда Хел позволил себе забыть о мрачном прошлом, оставленном им в Швейцарии, и просто быть счастливым в свежем морском климате, с любимой девушкой, виноградом, растущим прямо у дома, и только что пойманными осьминогами на ужин.

Об отъезде Черил домой Хельмут узнал за час до её ухода, когда девушка начала собираться в дорогу. Ей предстояло доехать на автобусе до Афин и оттуда поездом до порта Пирей, из него – паромом на Кипр. Чтобы не плакать при прощании, Черил вела себя очень сухо, давала последние указания:

– С дядей я договорилась, останешься у него. И ради Бога, никаких инициатив! Я обязательно приеду через неделю или через две, как только папа ослабит свой контроль. Только не исчезай никуда, я умоляю, – она всё-таки заплакала, но делала это с такой трогательной гордостью, чувством собственного достоинства, что Хел тоже ощутил щекотку в носу.

– Мы обязательно придумаем способ быть вместе.

Парень поцеловал свою любимую, отнёс её вещи к автобусу и помахал рукой вслед. Неправда, что у беглого осуждённого и дочка миллионера не может быть будущего. **У них** обязательно будет.

История вторая – Завоевание Королевы

Глава 13

Высокая черноволосая женщина, совершенно не торопясь, шествовала по залу. Сапфировое платье, в которое она была одета, шокировало бы на ком угодно – кусок ткани, обернувший бёдра, и две тончайшие полоски, пересекающие грудь; но норвежец заметил, что никто из присутствующих не осмеливается не то чтобы выразить ей своё неодобрение, но даже позволить мелькнуть ему во взгляде. «Она прекрасно сложена», – возникла одобрительная мысль прежде, чем Берндт получил такой удар локтём под рёбра, что стакан с бренди едва не вылетел у него из рук. Впрочем, человек, толкнувший его, даже не заметил силы своего удара.

– Смотрите, Эрик, смотрите! – возбуждённо шептал он. – Вот женщина, которая правит Кипром, по крайней мере, его греческой частью. Это личное божество киприотов, Королева Нума.

– Королева? – медленно повторил его собеседник. – Мне казалось, что на Кипре больше нет королев. Только жёны членов правительства.

– Никто её не короновал, конечно, – Стратос провожал женщину, обходящую зал, зачарованным взглядом. – Но обычные греки-киприоты идут к ней со своими спорами гораздо чаще, чем в суд. И если решения суда приходится время от времени подтверждать силами судебных исполнителей, приставов и стражи, то её приговоры ещё никто и никогда не назвал несправедливыми. Потому что им подчиняются их деды, отцы и дети. Если человек не выполняет решения Королевы Нумы, от него отрекается даже его семья.

– Она так могущественна?

– О, ей это совершенно не кружит голову! – живо отозвался Павел Стратос, шеф полиции Паралимни. – И хотя мне как государственному служащему, конечно, такое правосудие претит, но должен признать – эта женщина мудрее многих.

– Она может помочь мне построить этот чёртов отель в Протарасе? – теперь Эрика Берндта волновало лишь собственное дело, а голос его от подавляемой ярости звучал низко и глухо, словно рычание зверя. – Уже целый месяц греческие чиновники посылают меня от одного бюрократа к другому, и если решение так близко...

– Может, – осклабился Стратос, но не успело лицо Эрика проясниться, как тот неутешительно добавил, – но не будет.

– Как это «не будет»?! – взорвался Эрик, так что рядом стоящие люди покосились на него с удивлением и негодованием.

– Не будет, и всё, – с удовольствием подтвердил полицейский. – Королева Нума не занимается политикой, хотя её лоббистские возможности практически безграничны. Но она войдёт в кабинет к премьеру лишь в случае, если её любимым грекам будет что-то действительно угрожать.

– У меня есть возможности повлиять на неё...

– Вы в этом уверены? – от звучания низкого голоса, грудного, властного, пронизанного вибрирующей страстью, мужчин охватила дрожь. По исключительно чёткой дикции нетрудно было догадаться, что контроль над собой для этой женщины – естественное состояние.

– Нума, дорогая! – Павел уже сердечно приветствовал подошедшую, склонившись над её рукой в крошечной митенке, а Эрик всё ещё стоял в пол-оборота, не находя в себе сил взглянуть ей в лицо и чувствуя, как покалывает затылок от её взгляда. А потом стиснул зубы и глубоко вздохнул.

– Можете открыть глаза, – прозвучал её насмешливый глубокий голос. – Я не Горгона Медуза и не умею цементировать одним взглядом. А жаль. Вы не хотите представить нас, кугие Стратос?

– Простите, простите, – заторопился начальник полиции, и по лицу его Эрик понял, как тот боится вызвать неудовольствие Королевы Нумы.

Та издала сухой короткий смешок. В нём не было ничего – ни презрения, ни злости. Полное отсутствие эмоций так изумило Эрика, что он неосторожно взглянул в лицо женщины. И понял, что пропал – перед ним стояла кипрская Афродита, Клеопатра в исполнении молодой Элизабет Тейлор. Чёрные волосы, симметрично расчёсанные по обе стороны неподвижного царственного лица. Кожа, кремовым сиянием напоминающая атлас. Тончайшие, круто изгибающиеся брови и полузакрытые, но от этого не менее пронзительные зелёные глаза. И без того роскошные ресницы – искусственно удлинены рисунком на скулах. Подбородок женщины поднимался так, словно на голове она несла не золотой гребень, а увесистый головной убор той царицы. Эрик поспешно убрал руки в карманы, борясь с желанием немедленно снять почти невесомые полоски ткани и убедиться, что тело её столь же совершенно, как и лицо. Взгляд Королевы Нумы сообщил ему всё, что она хотела передать – понимание и презрение к его мужским мукам. Гнев тут же заклокотал в груди Эрика – а что есть она, в конце концов? Дорогая шлюха. Если подумать хорошенько, скорее всего, очень дорогая. Может быть, даже чересчур – для него.

Шеф полиции шумно маялся рядом с ними.

– Э-э... Эрик, позвольте вам представить... это Нума. Моя дорогая, наш иностранный гость, мой давний знакомый Эрик Уайлдорф Берндт.

– Немец? – лицо женщины было всё так же бесстрастно, в зелёных глазах отразилась такая бездна отвращения, что Эрик почувствовал, как тонет в ней.

– Нет, конечно, нет, – поспешил ему на помощь Павел, тем более что Эрик был почему-то не в состоянии защититься сам. И это ему не нравилось. – Эрик – из Норвегии. Он строит отели.

– Я знаю, – холодно кивнула Королева.

– Ваше высочество, – норвежец излишне учтиво и оттого будто бы издеваясь, расшаркался перед ней. Руки он, однако, не подал, боясь потерять самообладание, прикоснувшись к ней. – А что, полного человеческого имени у вас нет?

– В самом деле, кугие Стратос, – женщина кинула недовольный взгляд в сторону полицейского, – разве я не дочь своего отца?

Тот поёжился, словно оказавшись в центре ледяного арктического циклона.

– Я не знаю, какая у вас сейчас фамилия, Нума, – с опаской признался он. – После того случая...

Малоподвижное лицо Нумы от этого странного напоминания и вовсе окаменело. Но, видимо, она знала, о чём говорит Павел Стратос, в отличие от Берндта, и комментировать это не собиралась.

– Вы знаете, чья я дочь, – монотонно проговорила она.

– Да, кугия Алессандрос, – шёпотом подтвердил Павел, совершенно сломленный её волей.

При звуках этого имени Эрик почувствовал, как вмиг исчезает пленившее его магическое ощущение.

– Алессандрос, чёрт меня побери... – в одном из ведомств его уверили, что именно этот человек, живущий неподалёку от Фамагусты, мог бы решить все его проблемы. Но сколько Эрик ни пытался прорваться в раскинувшееся на сотни гектаров поместье «Олимпион», он так и остался за кованными воротами, всё более сомневаясь в том, что хозяин Кипра существует. – Вы, может быть, супруга...

– Дочь, – жёстко заявила кипрская Клеопатра, в упор сверля противника зелёным лазером своих глаз. – Я дочь Никоса Алессандроса. Не более, но и не менее того. А теперь можете начинать.

– Ваше высочество? – движением бровей Эрик выразил своё недоумение.

– Оказывать на меня воздействие, – с насмешкой напомнила Королева Нума. – Кажется, вы говорили, что знаете, как воздействовать на меня.

– Прямо здесь? – Эрик нарочито медленно обвёл взглядом её фигуру, словно снимая и без того нескромный наряд.

Нума досадливо выдохнула:

– Theos mou, до чего же не оригинально, – и отвернулась, собираясь уходить.

Павел стоял рядом красный, как рак.

– А если это не имеет отношения ни к вашей фамилии, ни к отелям, ни к бизнесу вообще? – вкрадчиво проговорил Эрик. – А только к мужчине и женщине. А, Королева Нума?

Женщина плавно повернула голову, даже не останавливаясь.

– Я не заинтересована в сексе, – прямым текстом заявила она.

– Чушь! – Эрик несколько нервно хохотнул, пристраиваясь следом. Стратос завершал их кометообразное движение по залу. Норвежец предпринял ещё одну попытку обратить на себя внимание великолепной Нумы. – Я не знаю ни одной женщины, которая не была бы – тайно или явно – заинтересована в сексе.

– Поздравляю с открытием, – Нума кинула в его сторону неприязненный взгляд. – Займитесь-ка лучше своими делами, Мистер-Владелец-Отелей-По-Всему-Миру...

– Я сейчас и занимаюсь. Мне нужна ваша протекция в вопросе...

– И перестаньте мне досаждать. Иначе я могу потерять контроль над ситуацией.

– И что же произойдёт? – с откровенной иронией поинтересовался Эрик.

Нума повернулась вокруг оси столь стремительно, что ему пришлось сделать шаг назад, чтобы не столкнуться с нею. Не то чтобы он возражал прижаться к этому изящному, словно амфора, совершенному телу... Но сгореть при этом? Эрик не смог сдержать восклицания, когда Нума – с загадочной, всезнающей улыбкой иллюзиониста на губах – чиркнула одной ладонью вдоль другой, сомкнула кулачки, а потом медленно развернула их, подражая распускающемуся цветку лотоса. На кончиках восьми из десяти её тонких пальцев плясали крохотные язычки пламени, и даже со своего расстояния Эрик Берндт чувствовал их жар. Она целую вечность внимательно смотрела в лицо мужчине своими бесовскими зелёными глазами и через минуту, дав всем налюбоваться диковинным зрелищем, дунула на кончики пальцев. Пламя порхнуло вверх лёгким дымком, и в ту же секунду гул разговоров в зале возобновился.

– Вроде бы я забыл предупредить вас, Эрик, – Павел Стратос обнял его за плечи, увводя от того места, где женщина только что забавлялась с огнём, – почему её так боятся и почитают. Видите ли, Нума Алессандрос – колдунья.

Глава 14

– Вы в этом уверены, Павел? Такого же просто не бывает – женщина с паранормальными способностями. Об этом говорят, пишут, но такое нельзя увидеть на улице просто так...

Даже час спустя увиденное продолжало глубоко интриговать Берндта. Покинув отель, они одновременно, не договариваясь, свернули вниз на Платес Лафтериас, хотя у подъезда стояло немало такси, готовых всю ночь развозить гостей с приёма по другим отелям Никосии, ночным клубам и казино.

– Так говорят люди...

– Но, Павел, это же бред!

– Кое-что вы видели собственными глазами, – флегматично возражал шеф полиции. – А кое-что, и гораздо больше, рассказывают те, кто были в её Дворце Правосудия.

– Дворце Правосудия? – с каждой новой каплей информации Берндту казалось, что он запутывается в паутине Королевы Нумы всё безнадежнее. – Но ведь это не здесь, а во Франции...

– И здесь тоже. Кто может помешать женщине назвать свой дом так, как ей хочется? Там она разбирает споры между греками-киприотами, которые приходят к ней. Впрочем, конечно, государство не признаёт её правомочия, а решения Королевы Нумы, говоря строго, не имеют юридической силы. Но они выполняются... – Стратос развёл руками, будто бы добавляя «и тут мы ничего поделать не можем».

– Она мне нужна, – задумчивым, но вполне твёрдым тоном проговорил Берндт. – И каждое ваше слово, Павел, лишь укрепляет меня в этой мысли.

– Думаете, своими остроумными замечаниями вы добьётесь сотрудничества с ней? Нуму вообще ни к чему нельзя принудить... как и её отца. В Нуме нет совсем ничего от Ди, она вся целиком – Никос, только женского пола. Она – амазонка, абсолютно самостоятельная, независимая, заботящаяся обо всех, кроме себя.

– Вы, что, её сватаете мне, Павел? – насмешливо изогнул брови Берндт.

Шеф полиции в ответ улыбнулся – но с печалью, достаточной для того, чтобы улыбка вышла философской.

– Увы, нет. После того случая Нума, похоже, никогда больше не будет нуждаться в мужчине.

– Уже второй раз я слышу от вас, Павел, о каком-то «том случае». А если конкретнее?

– Я не уверен, что вправе рассказывать... а впрочем, подробности этой кошмарной истории странным образом стали известны всем. Уж не знаю, догадывается ли об этом Нума, но мужчины на Кипре теперь боятся её и всех приезжих предупреждают не подходить близко.

– А я? – чуть ли не с возмущением переспросил Эрик. – Почему же меня никто не предостерёг?

– Вот я и делаю это, – Стратос остановился, чтобы закурить, прикрыл от ветра ладонями огонёк разгорающейся спички. Потом с наслаждением глубоко втянул в себя дым. – Из чисто мужской солидарности, как вы понимаете. Хотя, если говорить серьёзно, никакое проклятие не будет достаточной карой для того ублюдка – вы уж простите, Эрик...

– Как я понимаю, их высочество Королева Нума однажды влюбилась?

– Да, – лицо Стратоса было печальным и строгим, – она влюбилась. И сделала это с присущей ей целеустремленностью. Она уехала с Кипра, чтобы следовать за ним через огонь и воду, и прочие препятствия. Никто точно не знает, выходила ли она за него замуж...

– Поскольку сегодня я не заметил супруга с ней рядом, значит ли это, что брак распался?

– Не просто распался, – шеф в темноте улыбнулся ему внезапно онемевшими губами. – Говорят, что Нума забеременела – против его желания, но по вине того мужчины лишилась ребёнка. Тогда она наложила на него проклятие.

– Чушь!

– Это как посмотреть, Эрик. Говорят, что сына, которого он теперь жаждет, у него так и не родилось. Ни сына, ни дочери... нет и жены. Он довольно известен, как вы понимаете, Эрик, – слегка извиняющимся тоном добавил шеф. – Поэтому все киприоты с большим интересом следят за его судьбой. Всё-таки любопытно, действительно ли проклятие бесплодия умрёт только вместе с ним?

– Можно усыновить ребёнка, – отрывисто бросил Берндт.

Стратос немного посмеялся:

– Нума и это предусмотрела. Говорят, это было довольно длинное проклятье. Первый раз его наложил Иисус на лавочника, который потом получил имя Вечный жид. Нума сказала, что тот мужчина никогда не родит сына, не обретёт дома, своего очага, семьи и закончит свою презренную жизнь один – в нищете и запустении.

– А тот и поверил? – с презрением в голосе усомнился Берндт.

Павел легко пожал плечами:

– Как не поверить женщине, под руками которой из сухого ствола распускаются молодые побеги, из стен начинают бить родники, а камни пылают огнём от одного взгляда? Нуму считает вполне нормальной только её собственная семья – впрочем, все женщины Алессандрос по-своему уникальны, не говоря уж об их красоте. Спокойный, светский образ жизни ведут только Диандра и лишь одна из её дочерей, Надин. Всех остальных носит по миру в поисках самых опасных приключений.

– Меня интересует пока только одна женщина Алессандрос, – прищурившись, уточнил Эрик.

– Не рекомендую, – в ответ помотал головой Павел Стратос. – Слишком уж вредно для здоровья. Особенно для психики.

– За мою психику не стоит бояться, приятель. По общему убеждению, она у меня отсутствует. А женщину я хотел бы увидеть ещё раз. Интересно, что она тогда выкинет?

– Зачем торопиться это узнать? – философски пробормотал Павел. – Впрочем, зачем-то Господь Бог создал и самоубийц...

– Вот-вот, – жёстко подтвердил Эрик. – И мне почему-то кажется, что если мне удастся наладить хорошие отношения с Нумой Алессандрос, местные бюрократы побоятся продолжать перекидывать меня от одного чиновника к другому.

– А вы не боитесь потерять способность делать детей после этого? – довольно едко поинтересовался Стратос.

Резкий ответ последовал почти мгновенно:

– Я же сказал – просто хорошие отношения. Я совсем не планирую с ней спать, – за спиной Эрик Уайлдорф Берндт незаметно скрестил пальцы и сделал в уме пометку чем-нибудь обязательно расплатиться с Господом, если тот пропустит незамеченной эту его маленькую ложь.

Глава 15

Следующий день с шести утра до девяти часов вечера Эрик Берндт провёл на одной из дорог, ведущих к поместью «Олимпиион» – не слишком скрываясь, поставив машину на обочину дороги и наблюдая за жизнью поместья в превосходный цейсовский бинокль. И следующий день тоже. И день после этого, лишь меняя свою локацию. Всего дорог было четыре, по количеству сторон света. Он изучил их все. Высокая, но ажурная ограда поместья не мешала наблюдать за процессами, происходящими внутри. Никто Эриком не интересовался, никто его не прогонял. Все три дня наблюдений Эрик обдумывал планы форсирования крепости. Можно попробовать подкупить служанок, хотя все слуги, вернее всего, говорят только по-гречески, на языке, которым не владел ни в малейшей степени Берндт, и редко выходят из поместья. Кроме слуг, целый день выходящих и входящих в большой белый дом с турецкими мотивами в архитектуре, у всех четырёх ворот стояли охранники – они не представляли никакого интереса для Эрика. Поместье, похоже, в основном существовало в режиме самообеспечения, по крайней мере, никаких машин поставщиков продуктов наблюдатель не отметил. Между делом, когда смотреть за движением слуг во внутреннем пространстве «Олимпииона» становилось неинтересно, Эрик откладывал бинокль и начинал изучать наспех собранное досье на семью Алессандрос, содержащее только биографические данные и никаких будоражащих кровь секретов. Никос Алессандрос, шестьдесят три года, богатый бизнесмен, имеющий интересы во всех сферах экономики острова, Диандра, жена, светская львица и благотворительница, не скрывающая своего возраста в почти сорок восемь прожитых лет. В ранней молодости была взята Никосом из небогатой рыбацкой семьи в материковой части Греции. Как и положено хорошей жене, первым делом родила сына. Сейчас Костасу Алессандросу тридцать лет и он один из ближайших помощников Хризостома I, архиепископа Новой Юстинианы и всего Кипра. Связал свою жизнь с религией, значит, хмыкнул Берндт, и вряд ли теперь Алессандрос-старший дожждётся от него наследников. Остальные четыре ребёнка у него девочки, все не замужем. Нума, родившаяся через год после своего брата, потом близняшки Кассия и Надин и последняя, младшая, Черил, ей двадцать четыре года. Вероятнее всего, что отдавать девочек замуж папа будет очень разборчиво, с условием сохранения девичьей фамилии.

В следующий раз Эрик столкнулся с Нумой на благотворительном вечере православной церкви. Женщина всё время держалась в компании очень похожего на неё молодого мужчины – брата Костаса, понял Эрик. Она не стала делать вид, что не узнаёт Берндта, но и тратить на общение с ним своё время не собиралась. Вежливое «Как поживаете?» – и переход к другим гостям. Но Эрик не пожалел о потерянном времени. Лицо Нумы менялось при разговоре с братом, даже просто при взгляде на него. Королева покидала свой трон, и оставалась только страдающая, любящая женщина. Интересно, какие такие проблемы в отношениях Нумы и Костаса рождали эту горечь и нежность полуночного взгляда?

А ещё Эрик Берндт познакомился в курительной комнате с личным секретарём Нумы Алессандрос, худощавым молодым человеком с немного вытянутой вперёд шеей, будто он постоянно опасался пропустить важное сообщение или слух. Его звали странным именем Декёр, с ударением на второй слог, и отдающей запахом церковного ладана фамилией Игнасиус. Секретарь производил впечатление призрака, тени, но тени отнюдь не глупой, со своим мнением, на котором, впрочем, не настаивал. Говорил он приглушённо, вне зависимости от ситуации, и смотреть прямо в глаза собеседнику не любил. Эрик отнёсся к этому равнодушно – какое ему дело до странностей секретаря? Они довольно долго беседовали в тиши курительной комнаты и заключили некое соглашение. В руки Декера Игнасиуса перешёл приятно тяжёлый конверт. В обмен Эрик Берндт рассчитывал знать расписание дня куги́а Нумы, как только оно будет занесено на бумагу. Что она планирует делать, где с ней можно будет пересечься и пого-

ворить, желательно, убедив оказать ему определённую помощь. Постройка отеля в курортном городе Протарас, а затем сети бунгало в Айя-Напе для более молодых отдыхающих было важным этапом в развитии бизнеса Эрика. Начав с родной Скандинавии – первый отель всего в пять этажей был построен одиннадцать лет назад в пригороде Осло, Берндт понемногу расширял границы своего бизнеса в Европе – Германия, Франция. Часть построенных отелей он включал в свою сеть «Уайлдорф», налаживал грамотный менеджмент и, убедившись, что у управляющего хватает ума не воровать, продвигался дальше на юг. Некоторые отели продавал под другие торговые марки, если ему казалось, что прибыль не окупит затрат на поддержание контроля. Он решительно отказался от Великобритании, не испытывая энтузиазма в отношении британской налоговой системы. Проигнорировал не имеющие перспектив Албанию и Македонию, построил в прошлом году отель в Черногории, прямо на крутых скалах над морем, и присматривался к нему, но в итоге принял решение перепродать отель сети Iberostar – их предложение было более чем щедрым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.